

УДК 398(470.22)
ББК 82(2 Рос=Кар)

Причетная традиция олонецких карелов-ливвиков: к вопросу о современном бытовании

Валентина Петровна Миронова

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская
Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

Вера Анатольевна Швецова

(Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова:
Российская Федерация, 185031, г. Петрозаводск, ул. Ленинградская, д. 16)

Аннотация. В настоящей статье на основе опубликованных и экспедиционных источников рассмотрены особенности современной южнокарельской плачевой традиции. Авторами исследованы своеобразие репертуара носителей плачевой традиции, специфика исполняемых текстов, в том числе поэтические и музыкальные характеристики, отмечены изменения, произошедшие в текстах начиная со второй половины XX в. В результате исследования определено, что причитания утратили свою ритуальную функцию и перестали быть обязательной частью семейной обрядности олонецких карелов. Современными носителями плачевой культуры являются женщины, усвоившие тексты от родственников в семейном кругу, причитания хранятся в пассивной памяти исполнителей. Тексты причитаний претерпели значительные изменения, утратили архаичные формы, сохранив при этом ключевые мотивы, общие места жанра и характерную для карельских причитаний лексику, а также опору на интонационную модель традиционных южнокарельских плачевых напевов.

Ключевые слова: карельские причитания, носители плачевой традиции, современные бытование причитаний, напевы южнокарельских плачей.

Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН, тема № 125032004283-0/.

Дата поступления статьи: 20 января 2026 г.

Дата публикации: 30 июня 2026 г.

Для цитирования: Миронова В. П., Швецова В. А. Причетная традиция олонецких карелов-ливвиков: к вопросу о современном бытовании // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 2. С. 95–108.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.007>

Введение

Вторая половина XX в. ознаменовалась постепенным угасанием причетной традиции у карелов, равно как и у других народов России. Ключевую роль в этом

процессе сыграла эволюция семейно-бытовых обрядов. Экспедиционные исследования демонстрируют значительные изменения пространственно-временной структуры свадебного ритуала и похорон-

но-поминальной обрядности, отмечается тенденция повсеместного сокращения как продолжительности, так и количества обрядовых действий, в некоторых случаях — их слияние или полное исчезновение. Подобные трансформации привели к тому, что фольклорные произведения, которые ранее были неотъемлемой частью проводимых акций, постепенно утрачивались. Свою роль сыграло и усиление влияния православной традиции, выразившееся в увеличении числа молитв в контексте похоронного обряда, распространении заупокойных служб, отпевании и т. д. В карельском свадебном ритуале отдельные обряды под влиянием христианства изменили не только ход, но и наименования некоторых действий. К примеру, скрепление договора стало восприниматься как «крещение глаз» — кар. *ristiä silmät* — вместо исконно карельского обручения (*kihlonda, kihlos*) [Сурхаско 1978, 82].

В 1930–1940 гг. происходило перемещение плачей из аутентичной среды в сценическую, целью предпринятых изменений было сохранение причетной традиции. Однако направленность на эстетическую функцию, а также исторические события (коллективизация, Великая Отечественная война, эвакуация местного населения, языковая ассимиляция) ускорили процесс утраты карелами многих традиционных обрядов и включенных в них фольклорных произведений, в том числе причитаний.

Вплоть до конца 1980-х гг. у карельских исследователей существовала возможность активной записи плачей. Носителями традиции были в основном проживавшие в карельских деревнях пожилые женщины, усвоившие традицию оплакивания в кругу семьи от своих старших родственников. Информанты сообщали: «Это, наверно, по наследству переходит, как и все другие таланты. Да. У нас в деревне было много причитальщиц» [Устная поэзия 2000, 145]. В начале XXI в. количество одаренных исполнительниц плачей значительно сократилось, что обусловлено дальнейшей трансформацией традиционного обряда или полным его

замещением. На современном этапе исследователи имеют возможность фиксации отдельных фрагментов музыкально-поэтических или словесных текстов причитаний, сохранившихся в пассивной памяти носителей.

ЭТАПЫ СОБИРАНИЯ КАРЕЛЬСКИХ ПРИЧИТАНИЙ

Впервые упоминания о бытовании карельских причитаний появились в России в конце XVIII в., к примеру, их можно обнаружить в документе Г. Р. Державина [Поденная записка 1958, 179]. Только спустя 90 лет А. Я. Колясников на страницах «Олонецких губернских ведомостей», рассматривая обычаи карелов, еще раз свидетельствовал о распространении причитаний и описал манеру их исполнения [Колясников 1877].

Финляндскими собирателями первые записи причитаний были сделаны в конце XVIII в. В материалах ученого-просветителя Х. Г. Портана сохранилось письмо архиепископу К. Ф. Меннандеру от 1778 г., в котором есть упоминание о большом собрании причитаний православных карелов [Asplund 2006, 83]. К сожалению, эти материалы не сохранились, погибнув, вероятно, во время пожара в университете Турку (Або) в 1827 г.

В XIX в. Э. Лённрот во время десяти путешествий, совершенных в Российскую Карелию, наряду с записями эпических рун, сделал несколько описаний обрядов, к тому же зафиксировал тексты, их оформляющие. Позже эти наблюдения были опубликованы на страницах финляндских журналов [Lönnrot 1837], там же собиратель впервые представил образцы карельских плачей [Lönnrot 1836].

Вслед за Э. Лённротом карельские причитания записывали И. К. Инха и К. Ф. Карьялайнен, А. Борениус, В. Салминен, А. О. Вайсянен и другие исследователи и любители карельской народной поэзии [Asplund 2006, 84–91; КП, 6, 7]. Часть собранных текстов была опубликована в различных сборниках, часть до настоящего времени находится в архивах Финляндии.

В советский период собирательская работа приобрела планомерный характер. В 1925 г. Г. Х. Богданов в составе Карельской этнологической экспедиции Академии наук СССР под руководством Д. А. Золотарева тщательно обследовал многочисленные деревни Кестеньгского и Калевальского районов. Помимо других фольклорных жанров им были записаны причитания, в том числе этнографический рассказ о свадьбе в Оланге, который, совместно с другим экспедиционным материалом, вошел в издание «Карельский сборник» [Богданов 1929, 36–64].

В 1930–1940 гг. после образования Карельского научно-исследовательского института карельские фольклористы совершали многочисленные экспедиционные выезды в различные районы проживания карелов. Относящиеся к данному периоду материалы представлены фрагментарными рукописными описаниями, отрывочный характер которых обусловлен неподготовленностью собирателей и недостаточной заинтересованностью их в изучении жанра. Большая часть материала отражает среднекарельскую (сегозерскую) и южнокарельскую традиции.

В послевоенные годы (1948–1949) активное бытование эпических рун пошло на спад, вследствие чего внимание собирателей (У. С. Конкка, Э. Тимонен и др.) было сосредоточено на других еще малоизученных фольклорных произведениях, к примеру причитаниях. Местом фиксации плачей стал север Карелии — деревни Калевальского (Ухта, Вокнаволок, Юшкозеро) и Лоухского районов (Кестеньга).

В конце 1950-х гг. появилась звукозаписывающая техника, что во многом облегчило работу собирателей и увеличивало объем записываемого материала. Так, У. С. Конкка в период с 1956 по 1972 г. обследовала деревни Калевальского, Олонецкого, Медвежьегорского районов (д. Сельги, с. Паданы и др.).

С 1963 г. к изучению причетной традиции активно подключилась А. С. Степанова, занимавшаяся поисками плачей до конца XX в. Исследовательница побывала в Калевальском, Медвежьегорском, Пря-

жинском, Олонецком районах, записала десятки причитаний, выявила талантливых сказителей и плакальщиц. На основе полученного материала были подготовлены сборники, десятки научных статей, монография, Толковый словарь языка причитаний [Миронова, Иванова 2021].

Одновременно с фольклористами в 1960–1970-х гг. фиксацией свадебных причитаний занимались языковеды Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев, А. П. Баранцев и др., тексты записанных ими плачей представлены в лингвистических сборниках как образцы различных наречий карельского языка.

Корпус карельских плачей активно пополнялся вследствие собирательской работы музыковедов. Первые фонографические записи свадебных причитаний были сделаны финскими музыковедами А. Лаунисом и А. О. Вайсяненем в начале XX в. До этого времени фольклористы производили слуховые записи напевов плачей.

В российской науке музыковедческий взгляд на карельские причитания был обращен лишь во второй половине XX в. Музыковедами Л. М. Кершнер, С. Н. Кондратьевой, Т. В. Краснопольской были опубликованы напевы причитаний, записанных на территории Карелии на протяжении 1950–1970-х гг. Среди научных публикаций этого периода обращает на себя внимание развернутая статья А. Г. Гомон о музыкальных особенностях напевов причитаний, вошедшая вместе с нотными расшифровками Т. А. Коски в собрание А. С. Степановой [Карельские причитания 1976]. Большое значение для отечественной этномузыкологии имеет ряд работ Т. В. Краснопольской, объектом интереса в которых выступает в том числе мелодико-поэтическая композиция карельских причитаний, относящихся к разным локальным традициям [Краснопольская 2007, 2008 и др.].

С конца 1980-х гг. заметно сократилась возможность записи плачей, что было связано как с уходом многих талантливых причитальщиц, так и с угасанием причетной традиции. Анализ экспедиционных материалов демонстрирует, что пла-

чи можно было услышать еще в 1990-е гг. Единичные записи обрядовых текстов, их фрагментов и некоторые этнографические детали, характеризующие процесс причитывания, удастся сделать и в наши дни.

Ожнокарельский корпус причитаний начал формироваться только в конце XIX — начале XX в. Первые рукописные фиксации на данной территории были проведены Н. Ф. Лесковым [Лесков 1894]. СобираТЕЛЬСкая работа среди карелов-ливвиков¹ активизировалась лишь к середине XX в., когда и был записан основной пласт плачей.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ КАРЕЛЬСКИХ ПРИЧИТАНИЙ

В 2019, 2022 и 2023 гг. в рамках фольклорно-этнографической практики преподавателями и студентами Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова и сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук были предприняты экспедиции в Олонецкий район. В поездках удалось встретить информантов, которые смогли рассказать о бытовании похоронных и свадебных причитаний, их этнографическом контексте и манере пла-

кальщиц, и исполнили фрагменты обрядовых текстов. В каждом из этих случаев наблюдается разная степень сохранности причитаний и разные формы их актуализации.

Наиболее интересной оказалась встреча в 2019 г. с Зоей Алексеевной Карпенко (в дев. Сергеевой, 1942 г. р., урож. д. Мегрега, Олонецкий р-н). Она усвоила причетную традицию от своей тети, Дарьи Тимофеевны Кондратьевой (повидимому, тоже из Мегреги). По словам З. А. Карпенко, «...*тетя Даша умела плакать, и когда провожали в армию, и на свадьбе*» (Зап. от З. И. Карпенко, 1942 г. р., д. Мегрега) [ФА ПГК ОАФ № 792/46]². По сведениям жителей Олонца, сама Зоя Алексеевна причитывала на свадьбах.

Впервые два текста причитаний были записаны от нее сотрудниками Олонецкой национальной библиотеки в 2011–2012 гг. Позже эти варианты были опубликованы в сборнике, посвященном ежегодному литературному конкурсу им. В. Брендоева [Anuksen sil'mykaivozet 2012].

В книгу были включены два причетных текста, один из которых — похоронный плач, повествующий о прощании умершего с родным домом.

<i>Vuotas opin kuldamaine (nimi)</i> <i>Nimizien kandelijaine naine-rukku</i> <i>Sinin nimyzii počitoija.</i> <i>Opis kylmäzil korvazil kuunella</i> <i>Kurjan akan kuruzii.</i> <i>Sinun väzynyh rungaine</i> <i>On oijendettu oigieloil laučazil.</i> <i>Kaunehil katepaltinoil on katetettu.</i> <i>Toiči nämil kohtazil tulduu</i> <i>Piäsköilinduzet omii pajozii pajatettih.</i> <i>Nämil kerdazil tulduu</i> <i>Sinun kuldazet kielyzet</i> <i>On kuldazil lukkuzil salvattu.</i> <i>Mustil barhattazil ikkunazet on typitty.</i> <i>Miittuzisbo ruajusaduzes sinun angelizet</i> <i>Omii pajozii pajatettih?</i>	Дай-ка попробую, золотая (имя), Имечки носившая женщина-бедняжка, Твои имечки уважить. Попробуй-ка холодными ушками послушать Несчастной женщины разговорчики. Твой уставший стан Расправлен на верные (правильные) лавочки, Красивыми саванчиками укрыт. Раньше, придя в эти местечки, Ласточки-птички свои песенки пели. В этот раз как придешь, Твои золотые язычки Золотыми замочками заперты. Черными бархатами окна законопачены. В каких садочках рая твои ангелочки Свои песенки пели?
---	---

¹ Карелы-ливвики проживают в южных районах Республики Карелия: Пряжинском, Олонецком, частично — Кондопожском и Суоярвском.

² Здесь и далее после ссылки на архив указываются номер диска и трека.

<i>Eini voidu tulla sinun helevii hengyzi piästämäh. <u>Ota jälgimäzet prosken 'n' azet,</u> Armahaine naine-rukku, Nämis kammarizis, sit nämis pihazis, Nämis vezirandazis. Andakkua imehel jälgimäzet prosken 'n' azet. Nygöi kačo jälgimäzet kerdazet Nämih kohtazih, igäzih elonaigazih Igäzih elonkohtazih³.</i>	И не смогли твои ясные душеньки отпустить. Попроси последние прощеньца, Любимая женщина-бедняжка, У этих комнатух, у этих дворики, У этих бережков. Дайте удрученной последние прощеньца. Теперь посмотри в последние разочки На эти местечки, на вечные времечки, На вечные проживания местечки ⁴ .
---	---

Текст причитания представляет традиционную композицию на основе ритуальных обращений к умершему человеку: *vuotas opin* (дай-ка начну); *ota* (попроси) (досл. возьми); или к участникам похоронной церемонии: *andakkua* (дайте). Подобные конструкции в первую очередь направлены на построение коммуникации между этим и иным мирами.

Анализируемое причитание изобилует диминутивными формами (показателем ее является суффикс (*i*) *ni* -(i) *ne*): *nimyzi* (имечки), *korvažil* (ушками), *kuruzii* (разговорчики) и т. д.). Функция подобного рода лексем, являющихся маркерами архаичного текста, заключается в трансляции эмоциональной экспрессии жалости.

З. А. Карпенко придерживается традиционного для всей карельской причеты приема — запрета на употребление имен собственных или слов, напрямую указывающих на родство. К примеру, при обращении к матери исполнительница включает в текст характерные для данного персонажа формулы: *kuldamaine naine-rukku* (золотая женщина-бедняжка), *kandelijaine naine-rukku* (выносившая женщина-бедняжка).

Аллитерация в тексте этого плача сохранилась в меньшей степени, хотя постоянно присутствует концевая и внутристриховая рифмы. Для традиционных причитаний, равно как для других архаичных карельских фольклорных текстов, аллитерация является наиболее характерным приемом звуковой организации

стиха, рифма же появилась значительно позже.

Во время интервью 2019 г. З. А. Карпенко смогла вспомнить лишь начало причитания — третью часть от зафиксированного ранее объема записи. Значительное сокращение является свидетельством постепенного разрушения текста плача, находящегося в пассивной памяти исполнителя. Кроме того, следует учитывать и отсутствие эмоционального состояния: «никто не станет умирать и его не станут хоронить для того, чтобы собиратель записал причитание» [Чистов 1993, 135–136]. Возможно, что и сам процесс аудио- и видеозаписи, присутствие большого количества незнакомых людей мог сказаться на процессе вспоминания и исполнения.

*Vuotas opin kuldamaine naine-rukku sinun
nimyzi počitoija. //*
*Opis kylmäzil korvažil kuunnella kurjanakan
koroži. //*
*Sinun väzynyh rungaine on oigieloil laudažil
ojendeltu, /*
Kaunehil katapultinažil katettu. //
Toiči nämih huonuksih tulduu /
Piäskönlindužet pajatettih. /
*Nämil kerdaziil mustal vaattažil on ikkunat
typitty⁵*

(Зап. от З. И. Карпенко, 1942 г. р., д. Мерге-га) [ФА ПГК ОАФ № 792/47].

(Дай-ка я попробую, золотая женщина-бедняжка, твои имечки уважить. //

³ Здесь и далее приводятся тексты плачей на ливвиковском наречии карельского языка.

⁴ Здесь и далее перевод карелоязычных текстов В. П. Мироновой.

⁵ Расшифровка текстов карелоязычных причитаний, записанных в экспедициях, выполнена В. П. Мироновой.

Попробуй ты холодными ушками
 послушать жалкой/несчастной
 женщины разговоры. //
 Твой уставший стан на верные
 (правильные) досочки расправлен, /
 Красивыми саванчиками укрыт. //
 Раньше, придя в этот дом, /
 Ласточки-птички пели. /
 В эти разочки черными ваточками
 окна законопачены).

В композиционном отношении два текста практически совпадают и включают аналогичные поэтические мотивы. Одна-

ко в повторной записи они представлены в редуцированной форме: причитальщица использует синонимические замены на уровне отдельных лексем, которые не затрагивают смысловую целостность плача. *Toiči nāmīl kohtazil tulduu* (Раньше, в эти местечки придя) (текст 1) — *Toiči nāmīh huonuksih tulduu* (Раньше, придя в этот дом) (текст 2).

Второе причитание, зафиксированное от З. А. Карпенко и опубликованное в книге, — свадебное, его исполнение приурочено к пробуждению невесты в последний день в родном доме перед свадьбой:

<i>Vuotas opin kuldaine kandamui,</i> <i>Omas vačas vualittu vualimaine</i> <i>Sinuu nostattua jälgymäzih kodistolažih.</i> <i>Puaksuh huondesunuzii magaitin,</i> <i>Hot jo liennet liijan čuassuzen bes' odazis olluh,</i> <i>Ga en viganazil virkanuh.</i> <i>Konzu suureh mierozehe lähtit suurembih</i> <i>opastuksih,</i> <i>Ku nuori hoikku heinäine,</i> <i>Minä puaksut kerdazet sinuu vuotin</i> <i>Da vastailin sulavil sanoil.</i> <i>Nygöi sinuu tullah ottamah sulhazet</i> <i>Vierahile randazile.</i> <i>Kui sinä ruvennet kuldaine kandomoine</i> <i>Vakkikohtazih mielidymäh,</i> <i>Vakkiruadozih harjavumah.</i> <i>Ku kalattomamih järvyzih työtäh sinuu</i> <i>kalazeke.</i> <i>Primietikkiä jo, armahat naizet,</i> <i>Miittumil linduzil lähtietäh lendoh</i> <i>Meijän (nimi) valgiel valdaizet,</i> <i>Mustannu varoinnu vai valgiennu</i> <i>joučenlinduzennu.</i>	Дай-ка попробую, золотая, мною выношенная, В своей утробе выношенная, Тебя разбудить в последний раз за домашний столик. Часто утренние сны давала досмотреть, Даже если лишний часочек на бесёдушках задержалась, Грубого словечка не сказала. Когда в большой мирок отправилась на большие учёбушки, Как молодая зеленая трава, Я частые разочки тебя дожидалась Да встречала ласковыми словами. Теперь тебя приедут забирать женихи На чужие бережки. Как ты будешь, золотая, мною выношенная, К незнакомым местечкам привыкать, К чужим работушкам подлаживаться? Как в безрыбные озёрки тебя рыбкой выпускают, Посмотрите-ка, любимые женщины, Какими птичками полетят Нашей (имя) белые волюшки, Черным вороном или белой лебёдушкой.
--	--

В отличие от представленного выше варианта похоронного плача, настоящий текст изобилует аллитерацией, реализующейся за счет употребления характерных для данного жанра формул обозначения дочери-невесты: *kuldaine kandamui* (золотая, мною выношенная); *omas vačas vualittu vualimaine* (в своей утробе выношенная) и т. д. Причитальщица широко применяет диминутивы, посредством ко-

торых передается эмоциональное состояние: *Hot jo liennet liijan čuassuzen bes' odazis olluh* (Даже если лишний часочек на бесёдушках задержалась); *Sinuu nostattua jälgymäzih kodistolažih* (Тебя разбудить в последний раз за домашний столик).

В карельских причитаниях в качестве эквивалента общепринятого прямого наименования субъекта широко применялись метафорические замены и об-

разные выражения. Например, *невеста* обозначалась в плачах как «золотая, мною выношенная». Аналогичным образом изображались и различные локусы: *дом мужа* — это «чужие бережки», «незнакомые местечки» и т. д. К широко используемому относится обозначение временного этапа *девичества* — «белые волюшки». В зафиксированном от З. А. Карпенко свадебном причитании эти иносказательные формулы сохранены.

Во время интервью 2019 г. З. А. Карпенко не смогла воспроизвести причитание полностью, продемонстрировав лишь его начальные стихи, что объясняется, по-видимому, более ранним выходом свадебных плачей из традиционного обихода. При этом фрагмент обладает всеми специфическими признаками жанра — содержит метафорические замены термина *невеста*, диминутивные формы и аллитерацию.

Когда дочку замуж выдают, мать причитывает:

*Vuotas opin kuldaine kadamuani
Omas vačas vualittu vualimaine
Sinuu nostattua jälgymäzih kodistolažih.
Puaksuh huondesunii magaitin,
Enni jygielöi ruadoži vastannut*

(Дай-ка, попробую, золотая, мною
выношенная,
В своей утробе выношенное,
Тебя разбудить в последний раз
за домашний стол.

Часто утренние сны давала досмотреть,
Тяжелой работой не обременяла)
(Зап. от З. И. Карпенко, 1942 г. р., д. Мегре-
га) [ФА ПГК ОАФ № 792/48].

Исследователи, занимающиеся изучением вопросов трансформации архаичных жанров фольклора, отмечают, что, с

одной стороны, «с постепенной потерей актуальности жанра всё меньше элементов сохраняют обязательность. С другой стороны, тексты становятся более застывшими, практически полностью собранными из сильных элементов» [Неклюдов 2025, 17–39]. Причитания, записанные в исполнении З. А. Карпенко, являются наглядным примером такого «застывшего» текста.

Обратим внимание на то, что З. А. Карпенко передала тексты для публикации в сборнике в рукописном виде⁶. Перевод в письменную форму, по мнению исследователей, способствует устойчивости текстов [Алексеевский 2008, 36–45].

В 2022 г. в г. Олонце во время записи интервью с участниками фольклорного коллектива Koivikko нам удалось познакомиться с Галиной Федоровной Лукиной (1953 г. р., в дев. Балаева, урож. д. Тукса, Олонецкий р-н). В ходе беседы с исполнительницей выяснилось, что ее мать Пелагея Васильевна Балаева (1927 г. р., в дев. Аксентьева, урож. д. Верхняя Седокса, Олонецкий р-н) была плакальщицей на похоронах (но на свадьбе она не причитывала). Г. Ф. Лукина слышала плачи на похоронах и поминках, но сама их ранее никогда не исполняла. Однако во время интервью призналась, что у нее была большая потребность и в таком разговоре, и в том, чтобы воспроизвести процесс причитывания (Зап. от Г. Ф. Лукиной, 1953 г. р., г. Олонец) [ФА ПГК ОАФ № 793/8].

Исполнительницей от матери усвоенные принципы композиции похоронного плача⁷, она смогла воспроизвести комплекс обязательных мотивов. Вначале Лукина описала детали похоронного обряда, рассказала о манере исполнения и позе причитальщицы, затем попыталась проговорить причитание в прозаической форме. Погрузившись в воспоминания

⁶ У авторов статьи отсутствуют оригинальные записи причитания З. А. Карпенко. Анализ текстов проводился по публикации: [Anuksen si'nykaivozet 2012].

⁷ Г. Ф. Лукина воспроизвела тот похоронный плач, который был исполнен ее матерью в конце 1980-х гг. в обрядовой ситуации («когда дома держали, сидели, прощались»), во время прощания с Валентиной, дочерью Насти (имя выбрано условно, так как Галина Федоровна не помнит его точно). Настя была подругой плакальщицы (П. В. Балаевой). Сведения предоставлены Г. Ф. Лукиной во время устной беседы в марте 2026 г.

(условно — в эмоциональную среду), ин-формантка не только воспроизвела слова

причитания, но и продемонстрировала его исполнение:

<i>Oi, Nast'a-rukku kuldaine</i> <i>Kuibo rubiet elämäh?</i> Kuibo kuldaine <i>Nengožen tyttären kaimait.</i> <i>Valoi, Valoi kuldaine da</i> <i>Opastit ka hyvin da</i> <i>Opasti, kymmene klassua loppi.</i> <i>Valoi-rukku kuldaine da</i> <i>Nastoi-rukku kuldaine,</i> <i>Vellet (šanoi nimet) oi, sinä Pet'a rukku</i> <i>Da Sveta-rukku, Van'a-rukku.</i> <i>Vellet da sizäret.</i> <i>Mustakkua omua sizär'dy,</i> <i>Muistakkua omua sizär'dy dä</i> <i>Valoini kuldaine</i> <i>da sinun kuldu Kol'oine.</i> <i>Tyrmäz istuu Kol'oine da.</i> <i>Šuvaičetto toine toštu.</i> <i>Vuatakkua kuldažet da omii.</i> <i>Et voinut Val'aine da</i> <i>et voinut vuottua.</i> <i>Koloi tulou - sinuu eule</i> <i>A-voi-voi, itkekkiä rahvahut.</i> <i>Oi-voi, Nast'a -rukku kuldaine,</i> <i>Hyvän tyttären sinä kaimait.</i> <i>Dai Val'oine prosti meidy,</i> <i>Valoine da kuldaine.</i> <i>Nast'a rukku, elä,</i> <i>Nast'a rukku sinule</i> <i>Pereh suuri, mužikkua eule</i> <i>mužikkaine sinul... (kuoli)</i> <i>Sinul kuuzi lastu da</i> <i>nygöi jäi viiži da</i> <i>kačo da kačo da</i> <i>Toine toižel avuttakkua</i> <i>nu vot nygöi Val'oine...</i> (Зап. от Г. Ф. Лукиной, 1953 г. р., г. Олонец) [ФА ПГК ОАФ № 793/9].	Ой, Настя-бедняжка, золотая, Как ты будешь жить? Как, золотая, Такую доченьку потеряла. Валёй, Валёй, золотко да, Учила хороша да, Учила, 10 классов закончила. Валёй-бедняжка, золотко да Настёй-бедняжка золотко, Братья (говорит имена), ой, ты, Петя-бедняжка, Да Света-бедняжка, Ваня-бедняжка. Братья и сестры, Помните свою сестру, Помните свою сестру да Валёйне-бедняжка Да твой Колёйне-бедняжка, В тюрьме сидит Колёйне да. Любите друг друга, Ждите, золотые, своих. Не смогла Валюшка да Не смогла подождать. Вернется Колёй — нет тебя. А-вой-вой, плачь, народ. Ой-вой-вой, Настя-бедняжка, золотко, Хорошую дочь ты потеряла. И Валюшка, прости нас, Валёйне да золотко. Настя-бедняжка, живи Настя-бедняжка, у тебя Семья большая, мужа нет, Муж у тебя умер. У тебя шестеро детей, Теперь осталось пять, Смотри да смотри да, Помогайте друг другу. Ну вот теперь Валёйне...
---	--

Композиция плача, исполненного Г. Ф. Лукиной, в основном строится на обращениях к покойному. Примечательно, что исследователи, рассматривая современные тексты плачей, подчеркивают, что именно апелляция к умершему и сиротам занимают в похоронно-поминальных причитаниях важнейшее место. «Короткие фрагменты причитаний, вспоминаемые исполнительницами по

просьбе собирателя, могут почти полностью состоять из таких обращений» [Югай 2019, 510]. Причем сами обращения трансформировались: на смену метафорическим терминам в похоронных причитаниях, судя по экспедиционным данным, пришли «обращения по имени» (Зап. от Г. Ф. Лукиной, 1953 г. р., г. Олонец) [ФА ПГК ОАФ № 792/53]. Такие изменения свидетельствуют об угасании тради-

ции, утрате обязательных запретов и как следствие — упрощении текста.

Рассматриваемый текст причитания Г. Ф. Лукиной изобилует обращениями. Они образуют конструкции, где в качестве основного компонента выступает личное имя в диминутивной форме, образованное с помощью суффикса *oi*: *Nas'toi*, *Val'oi*, приложения *rukka* (бедняжка) и метафорической замены — определения *kuldaine* (золотой (ая)). Таким образом, формула строится на слиянии архаичных видов обращений и непосредственно имени умершего.

В сущности, поэтический язык импровизационного причитания приближен к бытовой речи, отсутствуют аллитерация, метафорические замены. Подобные записи позволяют проследить за динамикой угасания традиции, отметить наиболее устойчивые формулы и мотивы.

По словам Галины Федоровны, ее «мама всегда причитывала на один “голос”» (Зап. от Г. Ф. Лукиной, 1953 г. р., г. Олонец) [ФА ПГК ОВФ № 51/5]. Первый фрагмент причитания исполнительницы был непродолжительным, он исполнен тонким и тихим голосом. Третий же фрагмент представляет собой реконструкцию плача, более приближенную к обрядовой ситуации. Он имеет достаточную продолжительность, исполнен более плотным тембром, в традиционной позе плакальщицы, с платком в руке.

Г. Ф. Лукину можно отнести к пассивным носителям причетной традиции. Возможно, оказавшись в определенной ситуации, она смогла бы исполнить плач в ходе обряда. Как справедливо отмечено К. В. Чистовым: «Только специально одаренным исполнительницам удастся мысленно восстановить социальную, психологическую и эмоциональную ситуацию, вжиться в нее и либо приблизиться к когда-то звучащему тексту, либо создать совершенно новый текст, который мог бы быть произнесен в естественных условиях» [Чистов 1955, 263].

ОСОБЕННОСТИ НАПЕВОВ

В южнокарельской традиции свадебные и похоронные плачи исполняются пла-

кальщицами, как правило, на один напев, имеющий более или менее стабильную структуру. По словам З. А. Карпенко, на свадьбе плакали «таким же голосом, только другие слова уже» (Зап. от З. И. Карпенко, 1942 г. р., д. Мегрега) [ФА ПГК ОАФ № 792/48]. Подчеркнем, что и З. А. Карпенко, и Г. Ф. Лукина при исполнении плачей опирались на общую интонационную модель, свойственную напевам южнокарельских плачей, которые были записаны в 1970–1980-е гг., в частности Т. В. Краснопольской. Некоторые из этих образцов опубликованы [Песни Карельского края 1977, 84–99].

Напевы причитаний исполнительниц объединяет, во-первых, принадлежность к формам с мобильными параметрами структуры, что объясняется подвижными нормами стиха; во-вторых, небольшой звуковой объем: напевы разворачиваются в амбитусе кварты-квинты. Плачевая форма в обоих случаях складывается из последовательности нисходящих мелодических построений, заканчивающихся на первой ступени лада.

Композиция плача З. А. Карпенко представляет собой мелострофу тирадного типа, состоящую из двух или трех интонационно-ритмических периодов (*ab||ab||abb*). Каждый из них отвечает стиху, включающему от 7 до 12 слогов. При этом периоды различаются начальными

Г. Ф. Лукина и К. Романова, г. Олонец.
Фото К. Паршукова. 2022 г.

G. F. Lukina and K. Romanova. Olonets.
Photo by K. Parshukov. 2022

звуками: период *a* начинается с 4-й или 5-й ступени, *b* — со звука 3-й ступени (пример 1).

В плаче, исполненном Г. Ф. Лукиной, также сохраняется тирадный принцип построения композиции. Мелострофа

может включать до 3–4 интонационно-ритмических периодов, соответствующих стиху 7–11-слоговой нормы⁸ (пример 2), и состоит из периодов, начальными звуками которых выступают 4-я и 5-я ступени.

Пример 1. Фрагмент похоронного плача в исполнении З. А. Карпенко [ФА ПГК ОАФ № 792/47].

Пример 2. Фрагмент похоронного причитания в исполнении Г. Ф. Лукиной [ФА ПГК ОВФ № 51/5].

Подчеркнем, что в причитаниях обеих исполнительниц присутствует тенденция к смысловому объединению и совпадению

границ поэтической и музыкальной композиций, в отличие от некоторых севернокарельских плачей [Швецова 2022, 188–195].

⁸ Начальный период импровизационных напевов, как правило, имеет ненормативный объем и структуру, поэтому в данном случае не учитывается.

Логика интонационного развития в причитаниях соответствует описанию одной из разновидностей мелодической композиции карельских плачевых напевов, предложенному Т. В. Краснопольской в ряде публикаций. По наблюдениям исследовательницы, для нее «характерно нисходящее движение, образующее либо последовательность постепенно сужающихся в объеме волн, завершающихся касанием нижнего, опорного звука, либо замедленное движение типа развертывания от вершины-источника к нижней опоре...» [Краснопольская 2008, 137]. Указанное позволяет утверждать, что напевы плачей, исполненных современными плакальщицами, сохраняют принадлежность традиционному слою.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несомненно, для уточнения выводов требуется большее количество звукового материала. Но на основании имеющихся образцов можно констатировать, что зафиксированные варианты плачей демонстрируют неодинаковую степень сохранности карельской причетной традиции. Информанты являются представителями разных поколений. Однако языковое окружение, возможность непосредственно, вживую наблюдать за обрядом, наличие близких людей, владеющих причетной традицией, вероятно, в обоих случаях стали некими условиями усвоения обрядовых текстов.

В текстах, записанных от З. А. Карпенко, сохранились ключевые элементы тра-

диционной поэтики: система метафорических замен, аллитерация, стремление придерживаться тирадной композиции текста и напева. В плачах, исполненных Г. Ф. Лукиной, наиболее ярко проявилась импровизационная природа причети. В полевых условиях был зафиксирован спонтанный текст, который исполнительница реконструировала без подготовки, ориентируясь лишь на сохранившиеся в ее памяти тексты, обстановку, их окружавшую, и личную вовлеченность в контекст причитаний. При этом напевы плакальщиц не утратили связи с традиционным мелосом южнокарельской причети.

Как отмечено М. В. Станюкович, при утрате сакральных функций эпического исполнительства язык его «упрощается, становится прозрачнее. <...> В процессе трансформации эпоса к новым условиям сложность и непонятность <...> текста становятся недостатками» [Станюкович 2017, 290]. Эта тенденция характеризует и выявленные в XXI в. причитания, которые отличает упрощенный язык и элементы бытовой лексики.

Бытует мнение, что плачи, «представленные во фрагментарных вариантах конца XX — начала XXI в., вряд ли могут вызвать особый интерес исследователей» [Иванова 2010, 67]. Однако, на наш взгляд, подобные записи позволяют проследить динамику трансформации и угасания традиции, что является важной задачей отечественной фольклористики и этномузыкологии.

Источники и материалы

Богданов 1929 — Богданов Г. Х. Свадьба Ухтинской Карелии // Карельский сборник. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929. С. 36–64.

Карельские причитания 1976 — Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1976.

Колясников 1877 — Колясников А. Я. Народные юридические обычаи у карелов, живущих в Олонецком уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 5, 6.

Лесков 1894 — Лесков Н. Ф. Карельская свадьба. Погребальные обряды // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1894. С. 499–511.

Песни Карельского края — Песни Карельского края / Сост. и авт. вступ. ст. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск: Карелия, 1977.

Поденная записка 1958 — Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным 1785 г. июля 19 // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.): Очерки. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1958. С. 157–190.

ФА ПГК ОАФ — Фольклорный архив Петрозаводской консерватории, основной аудиофонд.

Устная поэзия 2000 — Устная поэзия тунгудских карел / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск: Периодика, 2000.

Anuksen sil'mykaivozet 2012 — Anuksen sil'mykaivozet V. Brendojevan nimizeh kilbah tarittu runokogomus: [Сборник]. Petroskoi, 2012.

Lönnrot 1837 — Lönnrot E. Häätavoista Pääjärven seuduilla Wen. Karjalassa // Mehiläinen. Oulu, 1837.

Lönnrot 1836 — Lönnrot E. Itkuvirsistä Venäjän Karjalassa // Mehiläinen. Oulu, syys-, lokakuu. 1836.

Исследования

Алексеевский 2008 — Алексеевский М. Д. Похоронно-поминальные причитания Русского Севера: проблемы собирания и современное состояние традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008. С. 36–45.

Гомон 1976 — Гомон А. Г. О музыкальных особенностях карельских причитаний // Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 441–454.

Иванова 2010 — Иванова Т. Г. Фольклор похоронно-поминальных обрядов // Живая старина. 2010. № 3. С. 66–68.

Краснопольская 2008 — Краснопольская Т. В. Карельские причитания: к проблеме изучения напевов традиционной импровизации // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. тр. Вып. 174. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 122–138.

Краснопольская 2007 — Краснопольская Т. В. Певческая культура народов Карелии: Очерки и статьи. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2007.

Миронова, Иванова 2021 — Миронова В. П., Иванова Л. И. К вопросу об изучении сказочной и причетной традиции карелов

(на примере трудов А. С. Степановой) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 3. С. 424–432.

Неклюдов 2025 — Неклюдов С. Ю. Дайцзи Бамао. Искусство сказителя: аспекты «мистический» и «рациональный» // Шаги /Steps. 2025. Т. 11. № 1. С. 17–39.

Станюкович 2017 — Станюкович М. В. О роли чужой культуры в формировании и сохранении эпической традиции. Филиппинские параллели к российским материалам // III Всерос. конгр. фольклористов: Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики. М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. С. 289–302.

Сурхаско 1978 — Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1978.

Чистов 1955 — Чистов К. В. Народная поэзия И. А. Федосова: Очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Карелия, 1955.

Чистов 1993 — Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: Рос. ун-т, 1993. С. 135–136.

Швецова 2022 — Швецова В. А. Традиционные музыкально-фольклорные жанры свадьбы северных карелов: обрядовый контекст и структурные особенности: Дис. ... канд. искусствоведения / Гос. ин-т искусствознания. М., 2022.

Югай 2019 — Югай Е. Ф. Метафорический уровень причитаний и его проявление в сильных элементах текста // III Всерос. конгр. фольклористов: Российская фольклористика в XXI в. Перспективы развития. М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2019. Т. 4. С. 506–517.

Asplund 2006 — Asplund A. Itkuvirsi // Suomen musiikin historia: Kansanmusiikki. Porvoo, 2006. С. 80–104.

© В. П. Миронова, В. А. Швецова, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронова В. П. <https://orcid.org/0000-0001-6310-5561>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-18-86; e-mail: tutkija@mail.ru

Швецова В. А. <https://orcid.org/0000-0003-1876-8432>

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыки финно-угорских народов Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова: Российская Федерация, 185031, г. Петрозаводск, ул. Ленинградская, д. 16; тел.: +7 (8142) 267-23-67; e-mail: vera.shvetsova5@yandex.ru

The Olonets/Livvi Karelian Tradition of Lamentation: Its Contemporary State

Valentina P. Mironova

(Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC of the Russian Academy of Sciences: 11,
Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Vera A. Shvetsova

(State Glazunov Conservatory: 16, Leningradskaya str.,
Petrozavodsk, 185031, Russian Federation)

Summary. *This article examines the modern features of the south Karelian lamentation tradition relying on expedition materials and published sources. Analysis of these texts provides insight into the distinctive repertoire performed by carriers of the lamentation tradition, including the specific features of the texts, such as their poetic and musical characteristics, and the changes they have undergone since the second half of the twentieth century. The study reveals that lamentations have lost their ritual function and are no longer a mandatory element of family rituals. The carriers of lamentation culture today are women who learned the texts from family members, and the laments are preserved in the performers' mostly passive memory. Lamentation texts have experienced substantial change, abandoning archaic forms while retaining the main features of the genre, key motifs, and the vocabulary typical of Karelian laments, while performances continue to use the intonation of traditional south Karelian mourning songs.*

Key words: Karelian laments, carriers of the lamentation tradition, contemporary state of lamentation, south Karelian dirges.

Acknowledgements. *The study was carried out within the framework of state assignment to KarRC of the Russian Academy of Sciences, No. 125032004283-0.*

Received: January 20, 2026.

Date of publication: June 30, 2026.

For citation: Mironova V. P., Shvetsova V. A. The Olonets/Livvi Karelian Lamentation Tradition: Its Contemporary State. *Traditional Culture*. 2026. Vol. 27. No. 2. Pp. 95–108. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.007>

References

Alekseevskii M. D. (2008) Pokhoronno-pominal'nye prichitaniya Russkogo Severa: problemy sobiraniya i sovremennoe sostoyanie traditsii [Funeral and Memorial Lamentations of the Russian North: Problems of Collection and the Current State of Tradition]. Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki [Current Problems of Field Folklore Studies]. Syktyvkar: Izd-vo SykTGU. Pp. 36–45. In Russian.

Asplund A. (2006) Itkuvirsi [Lamentation]. Suomen musiikin historia: Kansanmusiikki [History of Finnish Music: Folk Music]. Porvoo. Pp. 80–104. In Finnish.

Chistov K. V. (1955) Narodnaya poetessa I. A. Fedosova: Ocherk zhizni i tvorchestva [The Folk Poet I. A. Fedosova. An Essay on Her Life and Work]. Petrozavodsk: Kareliya. In Russian.

Chistov K. V. (1993) Ispolnitel' fol'klora i ego tekst [The Performer of Folklore and His Text].

In: Ot mifa k literature: sb. v chest' 75-letiya E. M. Meletinskogo [From Myth to Literature: A Collection in Honor of E. M. Meletinsky's 75th Birthday]. Moscow: Rossiiskii universitet. Pp. 135–136. In Russian.

Gomon A. G. (1976) O muzykal'nykh osobennostyakh karel'skikh prichitanii [On the Musical Features of Karelian Lamentations]. In: Karel'skie prichitaniya [Karelian Lamentations]. Ed. by A. S. Stepanova, T. A. Koski. Petrozavodsk: Kareliya. Pp. 441–454. In Russian.

Ivanova T. G. (2010) Fol'klor pokhoronno-pominal'nykh obryadov [Folklore of Funeral and Memorial Rites]. Zhivaya starina [Living Antiquity]. 2010. No. 3. Pp. 66–68. In Russian.

Krasnopol'skaya T. V. (2008) Karel'skie prichitaniya: k probleme izucheniya napevov traditsionnoi improvizatsii [Karelian Lamentations: On the Problem of Studying Tunes of Traditional Improvisation]. In: Mir traditsionnoi

muzykal'noi kul'tury: Sb. trudov [The World of Traditional Musical Culture: Coll. works]. Iss. 174. Moscow: RAM im. Gnesinykh. Pp. 122–138. In Russian.

Krasnopol'skaya T. V. (2007) Pevcheskaya kul'tura narodov Karelii: Ocherki i stat'i [Singing Culture of the Peoples of Karelia. Essays and Articles]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU. Pp. 8–27. In Russian.

Mironova V. P., Ivanova L. I. (2021) K voprosu ob izuchenii skazochnoi i prichetnoi traditsii karelov (na primere trudov A. S. Stepanovoi) [More on the Study of the Folklore Tradition of Karelians]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 424–432. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2025) Daitshi Bamao. Iskustvo skazitelya: aspekty «misticheskii» i «ratsional'nyi» [Daiji B. The Art of the Storyteller: “Mystical” and “Rational” Aspects]. *Shagi* [Steps]. 2025. Vol. 11. No. 1. 2025. Pp. 17–39. In Russian.

Shvetsova V. A. (2022) Traditsionnye muzykal'no-fol'klornye zhanry svad'by severnykh karelov: obryadovyi kontekst i strukturnye osobennosti [Traditional Musical and Folk Genres of Weddings of Northern Karelians: Ritual Context and Structural Features]. Dis. ... PhD in Arts. Moscow: Gos. in-t iskusstvovedeniya. In Russian.

Stanyukovich M. V. (2017) O roli chuzhoi kul'tury v formirovanii i sokhranении epicheskoi traditsii. Filippinskie paralleli k rossiiskim materialam [On the Role of Alien Culture in the Formation and Preservation of the Epic Tradition. Filipino Parallels to Russian Materials]. In: III Vserossiiskii kongress fol'kloristov. T. 1. Aktual'nye problemy rossiiskoi fol'kloristiki [Proceedings of the Third Congress of Russian Folklorists. Vol. 1: Current Issues of Russian Folklore Studies]. Moscow: ROSKUL'TPROEKT. Pp. 289–302. In Russian.

Surkhasko Yu. Yu. (1978) Karelskaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX — nachalo XIX v.). [Karelian Wedding Rituals (Late Nineteenth — Early Twentieth Century)]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Yugai Ye. F. (2019) Metaforicheskii uroven' prichitanii i ego proyavlenie v sil'nykh elementakh teksta [The Metaphorical Level of Lamentations and Its Manifestation in the Strong Elements of the Text]. In: III Vserossiiskii kongress fol'kloristov: Rossiiskaya fol'kloristika v XXI v. Perspektivy razvitiya. [III All-Russian Congress of Folklorists: Russian Folklore Studies in the Twenty-First Century. Prospects for Development]. Vol. 4. Moscow: ROSKUL'TPROEKT. Pp. 506–517. In Russian.

© V. P. Mironova, V. A. Shvetsova, 2026

ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Mironova <https://orcid.org/0000-0001-6310-5561>

E-mail: tutkija@mail.ru

Tel.: +7 (814) 278-44-96

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Scholarly Center, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

Vera A. Shvetsova <https://orcid.org/0000-0003-1876-8432>

E-mail: vera.shvetsova5@yandex.ru

Tel.: +7 (8142) 267-23-67

16, Leningradskaya str., Petrozavodsk, 185031, Russian Federation

PhD in Art History, Associated Professor, Department of Music of Finno-Ugric Peoples, State Glazunov Conservatory, Petrozavodsk

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)